

ПОЛИТА

Е.Ю.Потапчук

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ВЛАСТИ В РОМАНЕ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»¹

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 08-06-98502).

Проблема совместимости нравственности и политики, морали и власти, индивидуальной и политической этики занимает умы людей не одно тысячелетие. Не меньший интерес вызывает и вопрос о нравственных основаниях поведения личности в пространстве власти. Он ставился еще Конфуцием и легистами в Древнем Китае, к нему обращались Платон, Аристотель, Н.Макиавелли, Т.Гоббс, И.Кант, М.Вебер и многие другие мыслители. Поиск ответов на него активно ведется и в наши дни. Но хотя количество работ на эту тему исчисляется сотнями, сегодня, когда российское общество в очередной раз пытается понять, что такое власть, как она соотносится со свободой, как влияет на личность, а та на нее, мне кажется интересным обратиться к художественно-философскому опыту осмысления власти, представленному в романе А.И.Солженицына «В круге первом» (1958)².

² Солженицын 1991.

Специфика предложенного в этом многогранном и многоплановом произведении подхода к проблеме власти заключается в том, что она рассматривается в тесной связи с выбором личностью ценностных ориентиров и, как следствие, способа существования. Писатель противопоставляет две системы ценностей: одну из них реализуют в своей жизни заключенные марфинской шарашки, другую — облеченные властью офицеры МГБ. Различия в жизненных установках представителей этих двух групп выводятся Солженицыным не столько из их политических взглядов и убеждений, сколько из характерного для них отношения к материальным благам. И министр Абакумов, и его заместитель, и «хозяин» марфинской шарашки Яконов, и бывший начальник Мамурин предстают в романе неумными стяжателями, теми самыми фроммовскими эгоистами, которые хотят всего для себя и которым доставляет удовольствие владеть самим, а не делиться с другими, поскольку в ситуации, когда целью является обладание, «индивид тем больше значит, чем больше имеет»³. Во время недолгого периода бесконтрольного обогащения в конце Великой Отечественной войны офицеры СМЕРШа машинами, поездами и самолетами повезли домой награбленное добро. Министр Абакумов понимал, что в случае репрессий, причиной которых может стать любая оплошность, богатство не поможет, что «никакие драгоценности не спасут обезглавленного», но не мог не брать. «Он грабил загнипнотизированно», будучи не в состоянии отказаться даже «от двух чемоданов мужских подтяжек»⁴. Расплата за такое существова-

³ Фромм 1998а: 196.

⁴ Солженицын 1991: 132.

ние — непрерывный страх потерять накопленное, усугубленный ожиданием наказания за содеянное.

Достижения людей-накопителей всегда предметны, а потому прозрачны, ибо легко исчезают. Как отмечал Э.Фромм, «при такой установке... складывается впечатление, что суть бытия заключается именно в обладании и... человек — ничто, если он ничего не имеет»⁵. Смыслом всей деятельности индивида становится обладание, и при утрате накопленных происходит крушение самой его личности. Разрушающее воздействие на личность накопительных ориентаций убедительно показано в романе на примере инженера-полковника Яконова. В ночь, когда после страшного разноса у министра над головой Яконова сгустились тучи и возникла реальная угроза не только ему самому, но и его близким, мысли его вертелись вокруг превосходной квартиры с высокими потолками, многотысячной зарплаты, персональной «Победы» и т.д. Перед лицом их возможной утраты Яконову, сделавшему выбор в пользу обладания, не за что было ухватиться, он не мог оценить того, что у него оставалось, «и жить ему не хотелось»⁶. Не случайно в момент личного кризиса ноги сами принесли его на место, где он некогда встречался со своей девушкой. Здесь, у разрушенной церкви, Яконов вспомнил, как в погоне за благополучием предал любимую, как ради карьеры и материальных благ продал свою душу.

Люди-накопители выстраиваются в романе в своеобразную вертикаль: «Лейтенанты вывозили на тысячи, полковники — на сотни тысяч, Абакумов греб миллионы»⁷. Но продвижение вверх по иерархической лестнице, приближая чиновника к тиранствующему Хозяину — Сталину, не только повышало комфортность жизни, но и увеличивало страдания. Абакумов, например, с ужасом ожидал ежемесячных отчетов у Сталина, поскольку не знал, за какие упущения его могли внезапно наказать или низвергнуть. Эти «приемы, по часу, были тяжелой расплатой за всю власть, за все могущество Абакумова. Он жил и наслаждался только от приема до приема. Наступал срок — все замирало в нем... теперь-то Абакумов понимал, что в усердии своем заскочил слишком высоко: пониже было бы безопаснее, с дальними Сталин разговаривал добродушно, приятно. Но вырваться из ближних назад — пути не было. Оставалось — ждать смерти. Своей. Или... непроизносимой»⁸.

Венчает пирамиду стяжателей Сталин. Он достиг такого уровня обладания, на котором обесцениваются любые материальные блага, а целью и смыслом существования становится сама власть, безграничная возможность вершить судьбы отдельных людей и целых народов. Но даже нахождение на вершине пирамиды не приносит покоя, и Сталин предстает одним из самых беспокойных, неуравновешенных персонажей романа, которого гнетет как чувство неудовлетворенности, так и неизбывные страх, тревога, одиночество и непонимание. Беспокойство — имманентная составляющая жизни эгоиста, стремящегося к удовольствию и наслаждению: поскольку «его желания бесконечны, он должен завидовать тем, кто имеет больше, и бояться тех, кто имеет

⁵ Фромм 1998а: 202.

⁶ Солженицын 1991: 169.

⁷ Там же: 132.

⁸ Там же: 130—131.

⁹ Фромм 1998а: 196.

меньше»⁹. Другими словами, не только жизнь в заключении, но и жизнь на воле оказывается движением по кругам ада: чем выше должность, тем больше можно потерять, а значит, тем сильнее страх и внутренняя дисгармония.

¹⁰ Там же: 226.

В иерархически организованных обществах, где власть реализуется по принципу обладания, компетентность уже не является обязательным ее атрибутом. Олицетворением власти становится титул, мундир или статус, и «эти внешние признаки компетентности заменяют настоящую компетентность и определяющие ее качества». Правитель «может быть глупым, порочным, злым... то есть в высшей степени некомпетентным для того, чтобы быть властью; тем не менее он обладает властью». Пока человек имеет соответствующий статус, «считается, что он обладает качествами, делающими его компетентным. Даже если король голый, все верят, что на нем роскошные одежды»¹⁰. Именно с этим и связана происходящая в обществе накопителей борьба за достижение и сохранение статуса, ибо только он может наделить своего обладателя властью.

¹¹ Там же: 224.

В отличие от власти по принципу бытия, которая используется для «выполнения определенных социальных функций», власть по принципу обладания употребляется «лишь для эксплуатации того, кто ей подчиняется»¹¹. Подобного рода власть, исходящая от особой группы или индивида и направленная на поддержание и укрепление их привилегированного положения, определяется Г.Маркузе как господство¹². Описывая поведение представителей советской властной иерархии на различных ее уровнях, Солженицын подводит читателей к выводу, что они озабочены прежде всего удержанием и расширением своей власти и, таким образом, не столько отправляют властные функции, сколько господствуют. Но поскольку основой господства выступают ограничения в удовлетворении тех или иных потребностей, оно может держаться исключительно на силе. Насильственные ограничения, налагаемые деспотом, формируют «эффективный порядок», задавая модель дальнейшего общественного развития. Возникает форма «социальной организации с отказом от импульсивных порывов, признанием взаимных обязательств, учреждением особых, объявленных нерушимыми (святыми) институтов, то есть первыми началами нравственности и права»¹³.

¹² Маркузе 1995: 29.

¹³ Фрейд 1992: 206—207.

¹⁴ Маркузе 1995: 62.

В процесс поддержания и усиления господства включается само общество, ведь «устранение власти, которая (хотя и с помощью страха) сохраняла группу, может разрушить ее жизнь»¹⁴. С падением деспота его место занимают иные лица, силы, структуры, которые «обеспечивают подавление удовольствия, необходимое для сохранения их власти»¹⁵, и господство одного сменяется господством многих: «...Свобода приходит на смену господству — и вновь приводит к утверждению господства»¹⁶.

¹⁵ Там же: 60.

¹⁶ Там же: 61.

Мятущимся «вольным» в романе противопоставлены заключенные, зачастую обладающие удивительным внутренним равновесием, ибо у них уже почти не осталось того, что можно было бы отнять.

Именно им, а не могущественным чинам из органов госбезопасности, опасаящимся за свое будущее, дано ощутить полноту бытия, как ощущает ее заключенный с двенадцатилетним стажем и нескончаемым сроком, «ничтожный и бесправный раб» Дмитрий Сологдин, который за колючей проволокой любит красоту декабрьского утра, испытывая в душе «нерушимый покой»¹⁷. Секрет этого на первый взгляд парадоксального феномена раскрывается Солженицыным через беседу филолога Рубина и математика Нержина о наслаждениях, в ходе которой они приходят к мысли, что утрата позволяет понять истинную цену вещей и, избавившись от суеты и шелухи, обрести способность воспринимать и переживать все действительно важное. Вот, например, «сейчас вольняги рассыпались по увеселительным заведениям... Но те ли увеселительные заведения они избирают? Больше ли они получают удовлетворения от жизни, чем мы — это еще вопрос»¹⁸. Весьма примечательны в этом отношении и рассуждения Нержина о «природе сытости». На Лубянке или в контрразведке, замечает он, обобщая свой тюремный опыт, «реденькую полуводяную — без единой звездочки жира! — ячневую или овсяную кашу» не ешь, не кушаешь — «ею причащаешься! К ней со священным трепетом общаешься, как к той пране йогов!.. Сытость зависит совсем не от того, сколько мы едим, а от того, как мы едим! Так и счастье... вовсе не зависит от объема внешних благ... Оно зависит только от нашего отношения к ним!»¹⁹.

¹⁷ Солженицын 1991: 170.

¹⁸ Там же: 29.

¹⁹ Там же: 41—42.

Как ни удивительно, зеки оказываются более свободными, чем сотрудники госбезопасности, ибо не испытывают тревоги и неуверенности, порождаемых страхом потерять имеющееся. «Если я — это то, что я есть, а не то, что я имею, никто не в состоянии угрожать моей безопасности и лишить меня чувства идентичности. Центр моего существа находится во мне самом; мои способности быть и реализовать мои сущностные силы — это составная часть структуры моего характера, и они зависят только от меня самого»²⁰. Именно такими рисует заключенных Солженицын в романе «В круге первом».

²⁰ Фромм 1998а: 292.

Вновь прибывшим в марфинскую шарашку заключенным кажется, что они попали в рай: «Я прожил пятьдесят два года, я выздоравливал от смертельной болезни, я дважды женился на хорошеньких женщинах, у меня рождались сыновья, я печатался на семи языках, я получал академические премии, — никогда я не был так блаженно счастлив, как сегодня! Куда я попал? Завтра меня не погонят в ледяную воду! Сорок грамм сливочного масла!! Черный хлеб — на столах! Не запрещают книги! Самому бриться! Надзиратели не бьют зеков! Что за великий день? Что за сияющая вершина? Может быть, я умер? Может быть, мне это снится? Мне чудится, я — в раю!» Возвращение малого из отобранного вызывает у человека эйфорию, но его восторг тут же охлаждают бывалые: «Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг — в первый!»²¹ Шарашка — ад, и не потому, что в ней заключенные «горбили» по 14 часов в сутки (для переведенных в Марфино из лагеря интеллектуальный труд был наградой), а потому,

²¹ Солженицын 1991: 15.

что каждому из них рано или поздно предстояло выбирать между «быть» и «обладать». «В случае успеха разработки ближайшие к ней зеки получали все — свободу, чистый паспорт, квартиру в Москве; остальные же не получали ничего — ни дня скидки со срока, ни ста граммов водки в честь победителей»²². Более того, строптивых, отказавшихся выполнять «госзаказ», равно как и не добившихся ожидаемого властью результата, вновь отправляли в лагеря, так что «середины не было». И за этот выбор приходилось платить высокую цену. Как замечали по этому поводу зеки: «...Хорош человек был Борис Сергеевич, царство ему небесное... — Умер? — Нет, освободился... Лауреатом стал»²³. По этому пути собирается пройти Сологдин, поймавший благодаря своему таланту удачу за хвост и стремящийся еще пожить в свое удовольствие. Правда и неправда решил получить от жизни свое вернувшийся с фронта Шагов. Удалось подняться наверх Галахову, расплачивающемуся за успех потерей писательского дара, необходимостью врать и подстраиваться под общественное мнение. Важное решение предстоит аспирантке Музе, которой нужно выбрать между доношением и отказом от карьеры. И, напротив, изнеженный, честолюбивый, но порядочный Иннокентий Володин начинает свой спуск по кругам ада.

Другими словами, герои Солженицына делают экзистенциальный выбор, от которого зависит, что станет с их «бессмертной душой». Зеки невероятно гордятся ею; им кажется, будто ничто в мире уже не может их искушить. Однако искушений множество. Как говаривал дворник-зек Спиридон, «своя воля клад, да черти его стерегут»²⁴. И не всем удастся сохранить себя, ведь на карту зачастую поставлена не просто сытость, работа, зарплата, но сама жизнь: для многих возврат в лагерь — верная смерть. Тем не менее Глеб Нержин, Илларион Герасимович, Илья Хоробров, отказавшиеся служить МГБ, выбирают путь телесных страданий: «Да, их ждала тайга и тундра, полюс холода Оймякон и медные копи Джезказгана. Их ожидала опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее. Но в душах их был мир с самими собой. Ими владело бесстрашие людей, утравивших все до конца, — бесстрашие, достигающееся трудно, но прочно»²⁵. Те, кто сделал иной выбор или оттягивает его, лишены такой внутренней прочности и невозмутимости, лишены душевного покоя.

Таким образом, трагическая эпоха сталинизма служит лишь фоном, материалом для размышлений писателя об истоках нравственного поведения. Оказывается, что тоталитаризм и безнравственность питают друг друга. Страх за себя и своих близких, страх утрат толкает человека на подлые поступки и тем самым укрепляет тоталитарный режим, порождающий все новый и новый страх.

Размышления Солженицына о природе власти подводят к неожиданным выводам. Считается, что власть связана со способностью влиять на выбор решений и поступков. При наличии широкого набора альтернатив власть тем сильнее, чем больше вариантов поведения она контролирует (предлагает), то есть могущество власти напрямую связано со

свободой выбора. Лишая индивида множественности выбора, власть тем самым сужает поле своего контроля. Именно это, остро переживая ощущение свободы, подчеркивает инженер Бобынин в беседе с министром, когда говорит: «У меня ничего нет, вы понимаете — **нет ничего!** Жену мою и ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок, а комбинезон и вот белье под ним без пуговиц... — казенное. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима — чем еще можете вы мне угрозить? Чего лишить? Инженерной работы? Вы от этого потеряете больше»²⁶.

²⁶ Там же: 96.

В тоталитарном обществе, как оно описано в романе Солженицына, вариантов поведения только два — двигаться вверх или вниз по вертикали, — а значит, власть контролирует там лишь половину открытых перед человеком альтернатив или, как в случае с Бобыниным, вообще их не контролирует. В обществах гражданского, демократического типа, предлагающих своим членам веер возможных способов поведения, с помощью многообразных социальных институтов и иных структур и образований она контролирует гораздо больше, чем половину выбора. Сходные идеи можно найти у Н.Лумана, по мнению которого функция власти «состоит как раз именно в том, что власть устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, совершающего те или иные действия, желает он того или нет»²⁷. Мало связывать власть с причиной или потенциальной причиной; ее функции скорее «можно сравнить с комплексной функцией катализатора»²⁸.

²⁷ Луман 2001: 23.

²⁸ Там же.

Итак, ограничение свобод граждан ограничивает и властные влияния на их поведение, тем самым приводя к умалению власти как таковой и, по-видимому, к замене власти-процесса (модус «быть») властью-обладанием (модус «иметь»), ее отчуждению и в конечном счете трансформации в господство, которое базируется на ограничениях в удовлетворении потребностей, черпая в них силы для собственного воспроизводства²⁹.

²⁹ Маркузе 1995.

Предположить, что в обществе потребления личность добровольно откажется от господства, не просто. Именно с таким отношением к власти и ее носителям мы столкнулись накануне президентских выборов 2008 г. Вместе с тем шутка В.В.Путина об уходе на «дембель» и отождествление им политико-чиновничьей работы со служением России, почитаемым за честь³⁰, — это своеобразный синтез западного понимания власти как вида деятельности и традиционно российского восприятия ее как особого священного поведения.

³⁰ Путин 2008.

Именно как процесс управления, выполнение функций рассматривается власть в модусе бытия, описанном Фроммом. «Быть» (в противоположность «обладать») — «значит отказаться от своего эгоцентризма и себялюбия»³¹. Власть в этом случае соотносится с продуктивной

³¹ Фромм 1998а: 271.

- (спонтанной) активностью, при которой индивиды «оживляют все, к чему... прикасаются... реализуют собственные способности и вселяют жизнь в других людей и в вещи»³². При неотчужденной активности Я ощущает себя субъектом деятельности, а не объектом манипулирования. Условием такой продуктивной активности является целостность личности, когда разные сферы человеческой жизни «слились в единое целое»³³. С психологической точки зрения жажда власти есть проявление слабости, поскольку свидетельствует о неспособности «жить, опираясь на свои собственные силы», о стремлении «найти замену, дополнительную силу, когда собственных сил не хватает»³⁴.

Включая личность в поле бытия, власть предполагает ее способность к свободному выбору, к акту неподчинения, который «прямо связывается с началом человеческого мышления»³⁵. В противном случае — и это отчетливо видно из романа Солженицына, — даже находясь на вершине властной пирамиды, человек будет всего лишь рабом правителя, системы или какой-либо идеи.

Библиография

- Луман Н. 2001. *Власть*. — М.
 Маркузе Г. 1995. *Эрос и цивилизация*. — Киев.
 Путин В.В. *Ежегодная большая пресс-конференция 14 февраля 2008 г.* (<http://www.regnum.ru/news/775874/htm>).
 Солженицын А.И. 1991. *В круге первом*. — М.
 Фрейд З. 1992. Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. *Психоанализ. Религия. Культура*. — М.
 Фромм Э. 1998а. *Иметь или быть?* — Киев.
 Фромм Э. 1998б. *Бегство от свободы. Человек для себя*. — Минск.